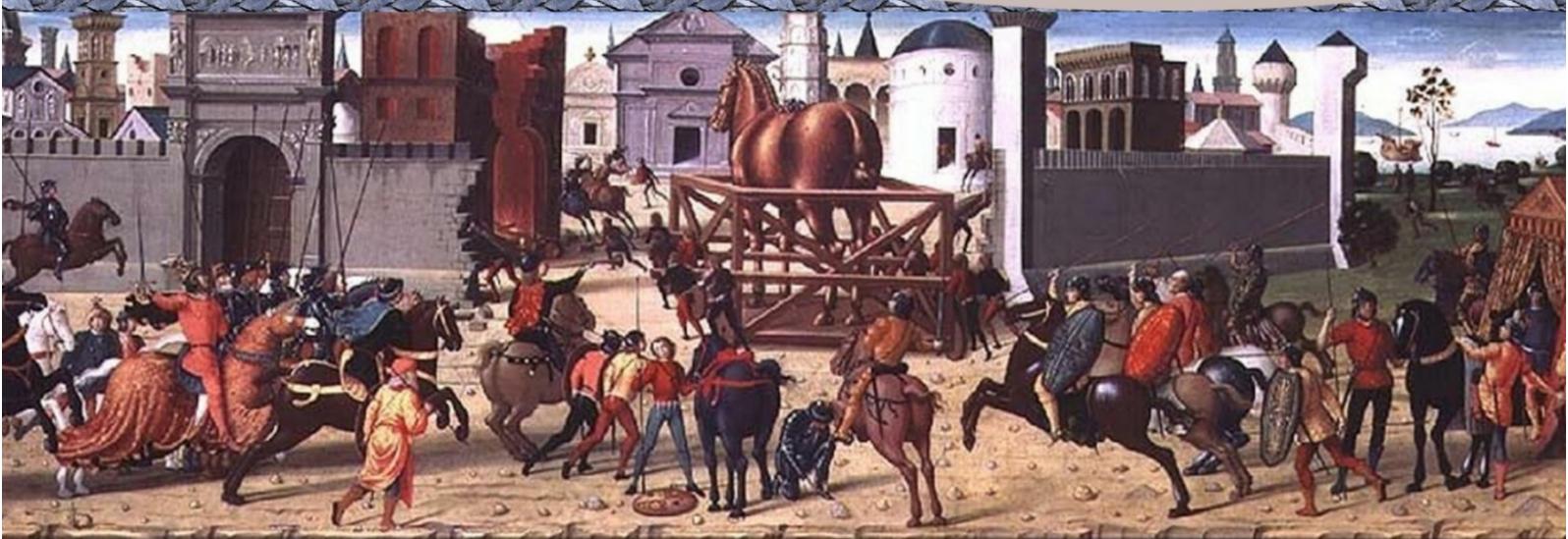

Алексей Андреев

Вторая осада Трои

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Андреев

**Вторая осада Трои.
Полная хроника**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Андреев А.

Вторая осада Трои. Полная хроника / А. Андреев — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Известно, что история повторяется дважды – сначала как трагедия, а затем как фарс. Поэтому здесь и Елена не та, хотя тоже прекрасная, и Троя другая, и осада специфическая, и полководцы на античных героев ничем не похожи. Фантасмагория о яростной битве двух отставных генералов за руку и сердце новоиспеченной вдовы олигарха. Содержит нецензурную брань.

*Но что страннее, что непонятнее всего, – это то,
как авторы могут брать подобные сюжеты...
Во-первых, пользы отечеству решительно никакой;
во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы.
Просто я не знаю, что это...
Н.В. Гоголь. Нос*

Желание завоевать Елену Трояновскую посещало многих – уж очень соблазнительна была добыча. Но дальше этого дело обычно не шло – за спиной Елены маячил в инвалидной коляске Сёма. Даже если его рядом не было, все равно маячил – незримо. А связываться с Сёмой дураков не находилось – перевелись. Особенно здесь, на его малой родине – в суровом сибирском крае с центром в городе N. Где Сёма давно был всем – законом, парламентом, президентом, руководящей партией и конституцией. Ну или почти всем. В том числе и когда долго отсутствовал – имелись такие периоды в его жизни. Целых три. Две *ходки* – это еще при совке – Сёма тогда только разворачивался и прокололся сначала на большой партии леса, уплывшей непонятно каким манером в Японию, а потом на нескольких эшелонах сверхплановой руды, в отечественные мартены так и не попавшей, – и одно просто исчезновение – когда впал в государственную опалу Сёмин приятель и поделщик: совместные дела их как-то не позволяли надеяться, что можно спокойно переждать эту опалу в глуши.

Поделщик сразу всплыл в Лондоне и начал оттуда обиженно клеветать, подтверждая тем самым, что политик в нем окончательно взял верх над бизнесменом, а вот Сёма пропал капитально. Все были уверены, что он там же, но не высовывается: ест поутру *сопливую* кашку, днем с поделщиком попивает *чаек*, по вечерам посещает с *Ромой* футбол. И когда вдруг возник скандалчик с полонием, некоторые отчего-то подумали: а может, и Сёма того – вкусил? И уже в родных палестинах не появится – по причине упокоения? И стали предпринимать кое-какие попытки, о которых тут же пожалели – кто успел. Потому что Сёмины *смотрящие* не дремали, а в суровой решимости своей старались хозяина превзойти.

Среди этих некоторых был и новоназначенный губернатор – не то своим карманом озаботился, не то получил указилровку из Москвы. А скорее и то, и другое – Сёмина империя была столь велика, что хватило бы многим. Его *смотрящие* трогать не стали – тоже, видимо, получили свою указилровку, – зато точно известно, что именно в этот момент Сёма проявился – лично ему по «вертушке» позвонил. И сказал что-то такое проникновенное, от чего губернатор сильно сбледнул и о московских указилловках предпочел забыть. А Сёмин *авторитет* в глазах жителей края поднялся на следующую недосыгаемую высоту.

Вскоре после этого Сёма всплыл окончательно. Для начала в телевизоре – вдруг взял и мелькнул по всем новостным программам в специальном репортаже из Кремля. Где говорилось о теплой встрече флагманов отечественного бизнеса с отечественным же руководством. Прошедшей в атмосфере полного взаимопонимания.

В небольшой толпе флагманов показали и Сёму. Не сказать, чтоб совсем здорового, – все же был он в коляске, хотя до исчезновения бодро передвигался на своих двоих, – но несомненно живого. Без всяких следов полония на по-прежнему жизнерадостном лице. Однако больше всего земляков поразило не само явление Сёмы народу и не то, что состоялось оно не в Букингемском дворце, а в Кремлевском, и не коляска эта инвалидная – уж не молоденький, мужику за шестьдесят, всякое может быть, – нет, поразило их другое – сзади за коляску держалась ОНА! Скромненько так потупившись. Во всей своей сногшибательной красе...

Многие до глубокой ночи прыгали по каналам, чтобы еще раз увидеть этот репортаж. А потом еще. И еще. И отвалиться наконец от экрана в горделивом восхищении: «Ну наш дает – саму Клеопатру в сиделки склеил!»

Это они не натуральную царицу, конечно, имели в виду, и не Вивьен Ли с Лиз Тейлор – кто ж их помнит, а Монику Белуччи – второй «Абеликс...» шел по ящику регулярно.

Позже, когда Сёма вернулся в свое поместье и начал принимать, выяснилось, что это не сиделка вовсе, а новая законная жена, что зовут ее не Моника, а Елена, что фамилия ее, как и у супруга, Трояновская, а какая была девичья – неведомо, но Белуччи вряд ли. Просто внешне они были очень похожи. Даже не как обычные сестры, а как однояйцевые близнецы. Или как один и тот же человек в разном возрасте – Елена была все-таки помоложе, блондинистее и в отдельных местах несколько попышнее – что ее, кстати, совершенно не портило, наоборот, придавало ей дополнительный и для здешних суровых широт, так и не поддавшихся теленашествию модельных *скелетин*, вполне положительный, эдакий рубенсовско-кустодиевский шарм. Который сразу натолкнул одного местного журналиста, поднаторевшего в светской хронике, на льстивое сравнение ее с другой Еленой – тоже прекрасной.

Так ее и стали звать.

Откуда она взялась, где родилась, росла и зрела, где Сёма вообще такую красоту *нарыл* – слухов ходило множество. Едва ли не каждый в городе свою фантазию к этому приложил. Загадочное молчание Прекрасной, ее односложные ответы, а чаще – просто вежливая и ослепительная улыбка служили тому хорошей почвой. Одни были уверены, что выросла она где-то неподалеку, в старообрядческом скиту, сокрытом глухой тайгой от гонений всякой власти. Другие – что она пуэрториканка и по-русски еле говорит – отсюда и молчаливость. Третьи утверждали, что она победительница всемирного конкурса красоты, делегированная отчего-то Казахстаном и похищенная Сёмой из-под короны, как из-под венца, – а чтобы скандала не было, это дело замаяли и корону спешно вручили другой, по правде сказать, чистой уродине. Четвертые точно знали, что Сёма нашел ее в Бразилии, где лишь среди потомков русских эмигрантов сохранилась настоящая дворянская *порода*. Пятые шепотом утверждали, что она не женщина, а ангел, ниспосланный с небес для всех, но захваченный единолично прохиндеем Сёмой. Кое-кто считал, что ее специально, на заказ, вырастили в пробирке – дескать, Сёма давно еще, во время второй отсидки, из разных красивых журнальных лиц составил идеальный портрет женщины, а потом, когда *поднялся*, нанял группу обедневших ученых, чтобы ему такую же создали. Многим по-прежнему не давала покоя итальянская кинодива – они записывали Елену то в ее младшие сестры, то в племянницы, то в ранние дочери. И так далее. Сходились же все в одном – прекраснее женщины они доселе не видели. И вряд ли доведется. Разве что в раю, так ведь туда поди попади.

Некоторые жены – из *удостоившихся* – после визитов, правда, шипели *своим* злопыхательно, что это все видимость, *силикон* да *пластика*, на самом деле ничего там особенного нет, ровно то же, что и у всех, если не хуже, однако добивались обратного – взгляды их половин еще больше затуманивались. А если вдруг на них и сосредотачивались... короче, зря они шипели, зря!

Кроме этих мелких и сугубо частных инсинуаций, ничто больше жизнь *молодых* не омрачало – до той поры, пока Сёма не навестила костлявая.

Нехорошо это получилось с ее стороны, неделикатно. У людей только, можно сказать, новая жизнь на старом Сёмином месте наладилась, только они так удобно все обустроили – расширили и без того немаленькое поместье, переименовав его – с подачи все того же журналиста – из нескромного Троесёмова (якобы была здесь когда-то такая деревенька) в еще более нескромную, зато благозвучную Трою, приобрели два вертолета – основной и запасной, пристроили открытую галерею, оснастив ее тепловыми пушками, чтобы можно было выйти из дома как есть и прогуливаться на свежем воздухе в любую погоду, запустили в оранжерею всяких райских птиц и в бассейн – карликового бегемота Борю – не иначе в память о подельнике или его усопшем покровителе, а тут на тебе – ложись да помирай!

И Сёма помер – а куда деваться? С этой заразой не поторгуешься, на понт ее не возьмешь и на кривой козе не объедешь.

На поминках-то все и началось...

Собралось там много непростого народа – из самой Москвы внушительная делегация приехала, понимая: сегодня уважишь ты – завтра уважат тебя. Хотя, конечно, тьфу-тьфу – по такому поводу лучше как можно позже. А тут еще и наследство осталось немереное – вдове точно не удержать. Значит, будет передел. Лишь идиот при подобных раскладах бы не уважил.

Проходили поминки в областном театре – покойный это место любил. Сначала из-за актрисок молоденьких, а после возвращения – уже так, бескорыстно. Вход был строго по пригласительным, милиция их начинала проверять за несколько кварталов от центральной площади – и так вплоть до оцепленного по периметру въезда – посторонним не проскользнуть.

Пока подтягивались и отогревались после кладбища, вспоминали, как совсем недавно почти в том же составе были здесь, чтобы Сёму *отбездить*, и ничего ведь не предвещало, ну надо же, а, такая подлянка; обсуждали, что вот, говорят, было у него припасено место в столице, на самом Новодевичьем, неподалеку от Ельцина, однако в последний момент передумал и завещал закопать себя тут, рядом с родителями – большой скромности был человек и патриот настоящий родного края. Как же мы теперь без него?.. И все дружно вздыхали, а дамы осторожно поводили перед глазами кружевными платочками, изображая промоkanie слез.

Все было чинно, минорно и благопристойно – до того момента, как появилась вдова. Появилась после всех – ездилa домой переодеваться. Как оказалось, это ей тоже покойный завещал: чтобы на поминках была обязательно в том платье, что он купил ей во время свадебного путешествия – на показе в Париже, буквально вырвав из рук одной итальянской киноактрисы. Нетрудно догадаться – какой.

И когда она вошла в нем и медленно-медленно поплыла – в черном, переливающимся, искристом, полупрозрачном, почти спадающем со смугломраморных плеч, с головокружительным декольте спереди и шуршащем позади шлейфом, который струился по полу, поднимался, не доходил до пояса и замирал кокетливым бантом перед прекрасной обнаженной спиной и тем, во что она, уже интимно раздвигаясь на две чуть подрагивающие упругие половинки, плавным изгибом начинала перетекать... о-о-о!.. это было зрелище!.. За такой проход любая голливудская звезда полжизни бы отдала – и ни секунды не пожалела!

Покойник был тут же забыт.

Все замерли, вытаращив до неприличия глаза, затаили дыхание и лишь спустя немалое время мужская часть присутствующих смогла шумно, с каким-то придушенным стоном выдохнуть, а женская, напротив, – со зловещим всхлипом вдохнуть.

Ну а когда это восхитительное видение проплывало мимо, открываясь нежнейшей спиной, кое-кто, сглотнув слюну, вспоминал наконец о Сёме. В том плане, что если бы не зима и если бы вдова точно в таком же вот виде склонилась над гробом на кладбище, уронив прозрачную слезу – он бы точно воскрес! По крайней мере – *восстал*. Как и любой на его месте... Может, он именно этого и хотел, да она перепутала? Или побоялась замерзнуть?

Хорошо, что следом за ней, сотрясая пол и упираясь тяжелым взглядом поочередно в каждого возбудившегося, шел давний Сёмин подручный – он же телохранитель – Заза. А то ведь неизвестно, чем бы могли поминки закончиться – публика-то была сплошь *избранная*, давно отвыкшая себе хоть в чем-то отказывать, а тут такой вызывающий соблазн, ничьим *авторитетом* уже не защищенный. Звероватый же вид могучего, как утес, абрека с грубым шрамом на пол-лица, мелкими глазками, похожими на два кусочка слюды, утопленными глубоко в череп, расплюснутым носом, бугристым телосложением и огромными ручищами до колен быстренько охлаживал. Ясно было, что этот питекантроп одним пальцем удавит и не поморщится! Как не однажды, говорят, и случалось. Еще говорили, что как-то, защищая на стрелке

хозяина, Заза впал в такое неистовство, что один *урыл* дюжину вражеских бойцов с ножами, битами и вполне себе огнестрельными *пукалками*. Перевернув попутно три их джипа. И даже хотел самого борзого из них тут же живьем съесть – по крайности чего-нибудь жизненно важное у него отгрызть, – да хозяин отговорил, предупредив о несварении.

Возможно, сам Сёма эти слухи и распускал – он на такие дела был мастак, сарафанное радио умел использовать на все двести. Но проверять это на себе ни у кого желания не было, поэтому от Зазы на всякий случай держались подальше.

Вот и сейчас все, даже несведущие московские гости, под его взглядом сразу обретали целомудренно-скорбный вид.

Все, кроме двух человек – двух отставных генералов.

Один из них был генерал Мотнёв – прозвище, несомое им по жизни, думается, указывать излишне. Если бы не оно, он бы давно маршалом стал. Но вместо этого три года назад был внезапно отправлен в отставку. Формально – за какие-то мелкие шалости: не то бронетехнику и истребители продал на Ближний нам Восток под видом металлолома, не то несколько многоквартирных домов у военных очередников умыкнул, не то секретные объекты иностранцам в бессрочную аренду сдал, не то отписал нужным людям контракты на снабжение войска продовольствием, которое оказалась давно просроченным, да и вообще несъедобным, из-за чего шестьдесят *задохликов* еле выжили, а семеро так и не смогли. А может, и за все вместе. В любом случае за *такую* мелочевку *таких* людей в отставку не отправляют – наоборот, очередную награду Родины дают к удобной дате, – если ты только кому-то дорогу не перешел и просто повод не понадобился. Выяснить, кому именно, генералу труда не составило – этот кто-то тут же его место и занял, расставшись наконец с надоевшей приставкой «зам». И оцетинился по всем фронтам, понимая: поверженный начальник не простит, война неизбежна.

И она началась!

Славная была баталия, на Арбате до сих пор ее вспоминают. Длилась она немногим меньше года, и было в ней все: засылка в тыл врага разведчиков и диверсантов, взаимная контрпропаганда и *сливы* в прессу, демарши и контрдемарши, тактическая игра на опережение, скрытое передвижение резервов, отвлекающие маневры, засады, добыча языков и, наконец, решающая атака, прорыв ударной группировки в ставку Верховного... после чего произошла еще одна внезапная отставка – теперь генерала Жотова (тоже, если поразмыслить, для прозвища фамилия удобная). Формально – за аналогичную мелочевку: застроенные коттеджами подмосковные полигоны, вконец усохшее в подземных хранилищах горючее, протыкаемые пальцем бронежилеты, наисовременнейшие ракеты, ни в какую не желающие грозно лететь, а желающие в лучшем случае пшикнуть на старте и изойти зловонным дымом, ну и прочую ерундовину.

В итоге этой военной кампании, вошедшей в арбатские анналы под кодовым названием «Как Мотня с Жопой перегрызлись», выигрыш, как всегда, достался другому, который и занял лакомое местечко, а оба генерала сильно подрастратились и оказались не у дел.

Обидно!

В жизни они, разумеется, не потерялись и на папёрть с фуражками не пошли, – один в Госдуму пристроился, другой – в Совет Федерации, оба возглавили фонды по борьбе с коррупцией, однако масштаб был совсем не тот. Это им и их молодые *длинноногие* объяснили, перед тем как исчезнуть в столичном выхлопном тумане: дескать, выходили они за один *уровень*, а ныне уж другой, куда мельче, по *рублевским*-то меркам, почитай, *ваще* никакой, так что, дяденьки, извиняйте...

Немудрено, что злобу друг на друга генералы затаили лютую. У каждого в загородном особняке лежало по несколько десятков фотографий *этой паскуды* – не из-за опаски склероза, а для тренировки в плевках и стрельбе из именного оружия.

И когда они встретились в самолете, спецрейсом отправленном из Москвы на похороны, когда встали во время полета из кресел по одной и той же нужде, выбрались в проход и вдруг увидели друг друга... как же они побурели! Казалось, и того, и другого немедленно хватит удар. Да какой! Который сначала разорвет их, забрызгав генеральской требухой салон, а затем и в ключья разнесет самолет! Они были похожи на два куска *обогащенного* когда-то урана, и всех спасло от неминуемого взрыва лишь то, что они так и не сблизилась – разошлись по разным кабинам. Заняв их надолго – покуда с помощью холодной воды, зеркала, некоторого вандализма и сильных выражений не пришли в себя...

Не сблизались они и на поминках – стояли, а потом и сидели в разных концах. Забыв друг о друге ненадолго только при появлении вдовы – все же настоящая красота способна на многое. Буквально влипнув в нее жадными взглядами, застряв в этом божественном совершенстве и пропав, они вели ее, как два локатора, не замечая ни Зазы, ни всех остальных. Вели, пока цель не оказалась ровно промеж них. В этот момент их взгляды пересеклись, друг о друга споткнулись, затем скрестились – уже как прицелы, засверкали, полыхнули огнем, и генералы поняли: вот оно – за что стоит сразиться! Дать последний и решительный. Такая добыча подходит им по всем параметрам: красавица, наследница, все при ней... Друг другу они ее точно не уступят. А значит, быть новой войне!

Так они и просидели все поминки по своим углам, выстраивая грядущую стратегию и пожирая глазами Елену: один – анфас, другой – в профиль. За что удостоились от Зазы не одного-двух, как прочие, а многих угрожающих взоров. Машинально отметив их, но не обратив никакого внимания, станут они какого-то *чурку* опасаться. За ними же доблестная российская армия – не хухры-мухры!

Конечно, если бы генералы находились рядом с прелестницей, то все их пылкие взгляды, зуд, нетерпение могли бы напомнить библейский сюжет «Сусанна и старцы». И кто знает, возможно, именно в этом ключе дальнейшее и стало бы развиваться: домогательства, сутяжничество и т.д. Но по нынешнему своему рангу сидеть рядом с ней они никак не могли. Они ведь и на спецрейс-то этот почти *протырились* – попали в самый последний момент, *до кучи*. И усадили их за столы *на задворках*, у выходов, где сновали туда-сюда половые с кушаньями, тормозя возле них в последнюю очередь. А вот на удалении от Прекрасной, в приглушенном траурном освещении, с учетом былой профессии и за вычетом возраста один из них мог сойти, к примеру, за сильно усохшего и траченного молью Ахилла, другой – за обрюзгшего, облысевшего и побритого Одиссея. Или за пожухшего Агамемнона – оба сразу. Что, вкупе с именем-фамилией вдовы и названием поместья, наверное, и повело всю ситуацию в иную, античную сторону...

На следующее утро московская делегация улетала в неполном составе – без трех человек.

Один из оставшихся личностью был совсем загадочной. Никаких высоких постов он не занимал и большими делами вроде бы не ворочал, пышными регалиями не светился, вообще на новую *вертикаль*, похоже, нанизан не был, обитал где-то побоку, тем не менее всюду был вхож и принимаем причастными кремлевским сферам людьми с почтительной опаской. Говорили, что он *порученец*. Чей – не уточняли. Кому надо – те и так знали, по крайней мере догадывались, а кому не надо – знать было не положено. Само присутствие его в делегации выглядело непонятно – покойный был, несомненно, большой человек, но не настолько. Видимо, имелась в вояже порученца какая-то еще подоплека. На поминках он сидел поблизости от вдовы – за соседним столом, вместе с замами губернатора, которые были с ним очень предупредительны. Да и сам губернатор то и дело отвлекался от обязанности утешать *оставленную* и давал на него *косяка*. Будучи заинтригованным. И пытаясь разглядеть на лице порученца хоть что-нибудь, хоть какой намек. Но так и не разглядел – лицо было совершенно бесстрастно. Даже при взгляде на прекрасную скорбящую оно не оживлялось. Пару раз на нем что-то мелькнуло –

причем диаметрально разное, – когда свежая подруга второго губернаторского зама решила на всякий случай соорудить ему *куры* – вдруг чем *патику* поспособствует – и когда его коснулся бедром один смазливый официант, косящий под юного Бандераса, – и все.

Сверкающие взоры генералов он заметил – не заметить их было трудно, – но внешне никак к этому не отнесся. В конце поминок, когда из-за центральных столов гости начали потихоньку подниматься и расходиться и сама вдова, ясно было, вскоре это траурное собрание покинет, он встал, подошел к ней, чего-то пошептал на ухо и, не дожидаясь ответа, удалился.

Назавтра же он из своего люкса на подобострастные призывы не вышел – сказал через дверь заспанным голосом, что задержится и пусть летят без него. Звавшим показалось, что был он не один. Но они об этом предпочли тут же забыть.

Не вышли из своих номеров и оба генерала – их там попросту не было. Весь остаток вечера они куда-то звонили, о чем-то договаривались и отдавали команды, затем коротко, не раздеваясь, вздремнули, чтобы набраться сил, а рано утром, забрав вещи и погрузившись в присланные за ними машины с военными номерами, исчезли. Правда, потери этих двух бойцов никто в столичном отряде толком и не заметил – все маялись после *вчерашнего*.

Объявились генералы неподалеку от Трои – по разные ее стороны. Один – на северо-западе, другой – на юго-востоке. Выбрались из машин уже в теплом камуфляже, козырнули встречавшим их офицерам, поднятым накануне со своими подразделениями по тревоге и успевшим за ночь совершить стремительный марш-бросок, отмахнулись от рапортов, бросив: «Потом», – и направились к опушкам леса по свежепробитым в снегу колеям.

Там каждого ждал командно-штабной автомобиль, умело замаскированный под большой сугроб. Рядом громоздились еще сугробы – такие же или меньше. Только вблизи в очертаниях некоторых можно было опознать бэтээр, грузовик для перевозки личного состава, санитарную «буханку». Другие очертания точной расшифровке не поддавались.

Внутри штабных машин генералы выслушали короткие рапорты, подошли к столам, где лежали развернутые карты и фотографии местности, сделанные со спутника, изучили их и практически одновременно спросили:

– Ну, что скажет об объекте разведка?

В разных командных пунктах разные офицеры сказали одно и то же.

– Три рубежа обороны, значит... – покивали генералы. – Ну-ну. Ваши предложения?

Предложения были тоже одинаковы.

– Неплохо, неплохо, – снисходительно произнесли полководцы. – Но действовать будем вот так! – Они ударили кулаком по столу и своими словами повторили услышанное. – Ясно?

– Так точно!

– А что там у противника? Объявился?.. Где?.. Наблюдение ведется? – спросили генералы, нисколько не сомневаясь, что противник должен быть где-то поблизости и чего-то предпринимать.

Вот тут наконец-то обнаружилось и отличие. Потому что для одних противник находился на северо-западе, а для других – на юго-востоке. Зато и туда, и туда уже успели доползти заблаговременно высланные сторонами разведчики. Окопавшись неподалеку от опушек в снегу, они несли боевой дозор.

– Следить в оба! В контакт не вступать. Наша цель здесь! – Два пальца хищно нависли над двумя одинаковыми картами и затем ткнули в одну точку. – Начали!

– Есть! – Из каждой машины выбежало по офицеру.

Первый рубеж обороны состоял из колючей проволоки. Натянутая на столбы и хитро переплетенная, она окружала все поместье, делая легкое послабление лишь для въездных ворот – их она украшала сверху. Зато перед ними были КПП, шлагбаум и сдвижные ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.